

УДК 338.32

А.В. Ложникова

ОБРАЗОВАНИЕ И ПРИСВОЕНИЕ СВЕРХПРИБЫЛИ В РЕЗУЛЬТАТЕ МАСШТАБНОЙ ЭКОНОМИИ НА ЯВНЫХ ИЗДЕРЖКАХ, СВЯЗАННЫХ С ВОСПРОИЗВОДСТВОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РОССИИ

Феномены затрат на рабочую силу, в том числе в увязке с затратами на воспроизводство других факторов, являются объектом пристального внимания и регулирования со стороны государства в развитых странах. Сегодня соответствие и взаимодействие технологических и нематериальных факторов становятся определяющими условиями повышения эффективности общественного воспроизводства. Вместе с тем в России оплата труда существенно занижена во многих сферах экономики по сравнению с оплатой за аналогичные сложность и интенсивность в развитых странах (США, Япония, страны ЕС). Межотраслевая дифференциация заработной платы в РФ весьма существенна и имеет тенденцию к усилению.

Ключевые слова: сверхприбыль, рента, интеллектуальная (технологическая) рента, рентная экономика, рентоориентированное поведение, нематериальное накопление, уровень оплаты труда, воспроизводство человеческого капитала, государственное регулирование, производительность труда, экономия на издержках..

Между эффективностью производства и заработной платой какая-либо связь была безвозвратно утрачена»

Д. Львов, А. Поринев. Управление социально-экономическим развитием России: концепции, цели, механизмы

Феномены затрат на рабочую силу, в том числе в увязке с затратами на основной капитал, являются объектом пристального внимания и регулирования со стороны государства. В США и ЕС в ходе анализа тенденций производительности труда рассматривают явление «замещение труда капиталом» и «увеличение интенсивности применения основного капитала в связи с ростом заработных плат». В настоящее время соответствие и взаимодействие технологических и нематериальных факторов – это главные условия повышения эффективности общественного воспроизводства. В современных процессах накопления капитала важное место призвано занимать так называемое нематериальное накопление, приумножение человеческого, организационного, управленческого капитала. Ключевые для развития национальной экономики функции приобретает система общего и профессионального образования. Особую роль в развитии компаний играют формы организации труда, стимулы и мотивация трудовой деятельности.

По имеющимся оценкам, в российской экономике уровень оплаты труда, в отличие от внутренних цен, практически во всех отраслях весьма скромно выглядит на фоне мировых стандартов. Согласно информации Центральной

базы статистических данных на официальном сайте Росстата, среднедушевой денежный доход в РФ в январе 2010 г. составил всего 13 549, 3 руб. В России во многих сферах экономики оплата труда существенно занижена по сравнению с оплатой за аналогичные сложность и интенсивность в США, Японии, странах ЕС. Также для России характерна глубокая межотраслевая и внутрикорпоративная (топ-менеджеры и основной персонал) дифференциация уровней доходов (по децильным коэффициентам от 16 до 8). При этом самые высокие зарплаты получают сотрудники компаний финансового сектора – в среднем более 50 тыс. руб. в месяц. На втором месте в России по уровню зарплаты – работники производств, вырабатывающих кокс и нефтепродукты (49,5 тыс. руб. в месяц), на третьем – занятые в добывающих компаниях топливно-энергетического сектора. Анализ временных рядов уровня среднемесячной начисленной заработной платы по отраслям российской экономики показывает, что межотраслевая дифференциация заработной платы, во-первых, весьма существенна, а во-вторых, имеет тенденцию к усилению, на фоне общего роста реальной заработной платы разрыв по данному показателю между отраслями с течением времени увеличивается [1. С. 28].

Неоправданно занижена в РФ величина законодательно установленного минимального размера оплаты труда (МРОТ). В европейских странах, в том числе бывших социалистических, минимальная заработная плата соответствует уровню в 34–48% от средней заработной платы, в то время как в России отношение МРОТ к официальной средней заработной плате не превышает 20%. Среднемесячная номинальная заработная плата наемных работников в Российской Федерации в 1995–2008 гг. многократно отставала от аналогичного показателя США, Японии и других развитых стран.

По данным Росстата, доля расходов на оплату труда колеблется в интервале от 45 до 50% российского ВВП. Это на 20–30 процентных пунктов меньше, чем в развитых странах [2. Т. 1. С. 343]. Таким образом, наблюдается серьезный перекос – являясь одним из лидеров в мире по абсолютному размеру ВВП (РФ здесь уверенно входит в десятку), по доле расходов на оплату труда мы скорее аутсайдеры. Доля расходов на оплату труда в относительно некапиталоемком секторе услуг значительно ниже доли коммерческих расходов, связанных с организацией продаж, а в капиталоемких отраслях ситуация еще хуже.

При этом в российской экономике наблюдается двойной парадокс. «Наши заработные платы являются недопустимо низкими, а налоги на фонд оплаты труда и эксплуатация наемного труда – запредельно высокими» (как известно, с 01.01.2011 г. резко повышен налог на заработную плату, уплачиваемый работодателями). Вместо того, чтобы облагать дополнительными налогами так называемый фиктивный капитал, или ренту, в России облагается действительный капитал. Так, по имеющимся оценкам, изъятие ренты через налоговую систему РФ не превышает 40% от образуемой сегодня величины, причем речь в данной оценке идет лишь о нефтегазовой ренте [3. С. 17], в то время как за рубежом контроль образования и изъятие ренты через налог на сверхприбыль давно осуществляется не только в сфере добычи природных ресурсов, но и, к примеру, в банковском секторе и др.

«Следует обратить внимание на долю накопления, ориентированную на развитие человеческого капитала (образование, здравоохранение, социальные услуги). У нас она составляет всего 3,7%, в то время как во Франции – 18,6, в Германии – 16, Литве – 17,4 и Эстонии – 17,1%. По этому показателю Россия отстает также от Португалии (в 6 раз) и Индии (2 раза) [4. С. 40].

Образование и извлечение ренты за счет экономии на затратах на человеческий капитал (вознаграждение труда, коэффициент замещения пенсии, расходы на образование, отдых и т.п.) в РФ происходит на фоне хронических острых внутрифирменных конфликтов. Необоснованно низкий уровень оплаты труда приводит к акциям протеста работников в явной и, что особенно характерно для России, в неявной формах. К сожалению, повсеместными стали недобросовестное отношение к труду и хищения со стороны наемного персонала. На российских предприятиях в буквальном смысле слова происходит борьба между представителями различных социальных групп за присвоение доли созданного дохода. В ответ на это учредители развивают дорогостоящую внешнюю и внутреннюю инфраструктуры контроля, отвлекая и без того недостаточные средства из бюджетов капиталовложений. Большая часть отечественных публичных компаний либо вообще не выплачивает никаких дивидендов, либо выделяет на эти цели минимальные суммы. (Это наряду с другими факторами в том числе приводит к относительно заниженной стоимости российских предприятий на фондовом рынке.)

Вообще официальная статистика не очень акцентирует внимание на актуальнейших проблемах низких уровней заработной платы и доходов занятых в экономике. Так, в разделе «Экономические показатели» на главной странице официального сайта Росстата нет ни одного (!) показателя из этой сферы (см. www.gks.ru).

В течение всего периода рыночных преобразований в нашей стране неизменно существует проблема «серых» и «черных» зарплат, получивших широкое распространение в частном секторе экономики. Традиционное явление «заработная плата» в России никак не трансформируется в рыночное явление «вознаграждение работникам» (одноименное название имеет стандарт 19 МСФО) или «доходы занятых». Современную ситуацию в российских организациях можно охарактеризовать как классическую модель эксплуатации наемного труда, не удовлетворяющую потребностям даже простого, не говоря уже о расширенном воспроизводстве, подразумевающим целую систему дополнительных краткосрочных и долгосрочных выплат и поощрений (см., например, стандарт 19 МСФО или введение нормы о послеобеденном сне в Германии). Современная пенсионная реформа в РФ ставит своей целью обеспечить каждому россиянину пенсии с коэффициентом замещения всего 40%, в то время как, например, во Франции этот уровень составляет 65–70% за самые высокооплачиваемые 20–25 лет трудовой карьеры. Не развивается рыночный институт участия работников в прибылях компаний (такой опыт на территории Российской Федерации реализуют прежде всего международные компании: в 2010 г. обмен 50%-ной накопительной части премиального фонда на акции компании организовала для российских сотрудников крупная торговая сеть французского происхождения «Ашан»).

Не получает распространения, к примеру, немецкая модель формирования высших органов управления компаниями – наблюдательных советов, не менее половины мест в которых принадлежит наемному персоналу. Вместе с тем на этой институциональной основе может быть разработана и самое главное – реализована модель обеспечения народнохозяйственной сбалансированности, предполагающая оптимальное соотношение категорий: «заработная плата – цены – инвестиции» [5. С. 111].

В связи с созданием общероссийского инновационного центра в «Сколково» (Московская область) в центре внимания представителей государственного управления, академической и вузовской общественности оказалась одна из фундаментальных проблем современной российской экономики, в том числе в части ее перехода на инновационную модель развития, – это проблема несопоставимо низких (с международными уровнями, очевидными для широких слоев российского населения в связи с масштабным явлением «утечки мозгов» за рубеж, прежде всего в Западную Европу и США) размеров заработной платы и отсутствия долгосрочной мотивации в деятельности высококвалифицированных (и соответствующих самым высоким мировым уровням!) специалистов на родине. К примеру, в 2010 г. среди награжденных самыми престижными премиями в сфере науки фигурируют россияне, получившие образование в России, но работающие ныне за рубежом: Нобелевской премии удостоились воспитанники российской физической школы А. Гейм и К. Новоселов (работают в Манчестерском университете, Великобритания), а премию Филдса (математическая Нобелевка) получил уроженец Санкт-Петербурга С. Смирнов (работает в Женевском университете, Швейцария).

Особенно очевидно проявление этой проблемы в г. Томске, где работают шесть государственных университетов, имеющих ведущие научные школы и глубокие традиции в сфере подготовки специалистов. Традиционной за годы рыночных преобразований стала следующая образовательно-научная траектория выпускника Томского университета физико-математического и естественно-научного профилей: получение высшего образования и защита кандидатской диссертации в Томском университете и последующая трудовая деятельность (сезонная, временная или постоянная) в ведущих исследовательских центрах США, Западной Европы, Австралии, Бразилии, Новой Зеландии и др.

Таким образом, «утечка мозгов» из России служит важной формой образования и присвоения интеллектуальной (технологической) ренты развитыми странами. «США получают более высокую инновационную или техническую ренту, чем мы – сырьевую. Сегодня объем мирового рынка high-tech составляет порядка 3 трлн долл., и если России удастся получить на этом рынке долю хотя бы в 5%, это уже будет сопоставимо с нашими доходами от продажи нефти и газа. В начале XXI в. экономика России бурно росла, но не становилась при этом инновационной и более конкурентоспособной» [4. С. 48]. Но для того чтобы достичь этого, мало заниматься одними только инфраструктурными инновационными проектами – технико-внедренческими зонами, федеральными центрами исследований и разработок, национальными исследовательскими университетами, технологическими платформами и др.

Кроме того, что из-за «вымывания» высококвалифицированных ученых и инженеров за рубеж Россия теряет ежегодно огромную интеллектуальную

(технологическую) ренту, процесс «вымывания» технических специалистов из российских высокотехнологичных (по определению!) производств в более привлекательные сферы бизнеса, прежде всего в торговлю, приводит к полной технологической и кадровой деградации тех самых производств. Так, комментируя причины катастрофы на Саяно-Шушенской ГЭС, бывший генеральный директор «Иркутскэнерго» В. Боровский сказал следующее: «Безаварийность же достигается постоянной профилактикой оборудования и плотности. А успешная профилактика базируется на знании и опыте, когда инженер целую жизнь проживает с турбиной, зная досконально ее поведение и состояние. Между тем сейчас опытных возрастных специалистов стараются побыстрее отправить на пенсию, освободив дорогу молодым и шустрым. Однако это себя не окупает – нарушается преемственность. Это можно делать, если недостаток опыта молодежи компенсировать деньгами – заменив изношенные трубы на новые. Но двойная экономия – и на инвестициях, и на опыте – бесследно не проходит. Это прямой путь к технологической деградации и росту аварийности в энергетике» [6. С. 21].

Целиком и полностью разделяем точку зрения академика А. Аганбегяна, что во главу угла модернизации социальной сферы целесообразно положить реформирование зарплаты в сторону ее резкого увеличения. Смысл этой модернизации – привести социальную систему в соответствие с требованиями экономической системы и международными стандартами, используя мировой опыт. По уровню экономического развития (ВВП на душу населения) Россия занимает 50-е место в списке 200 стран мира, не очень сильно уступая многим развитым странам и опережая большинство развивающихся стран: по паритету покупательной способности 15 тыс. долл. против 20–25 тыс. долл. в Португалии, Израиле, Новой Зеландии, Испании. В то же время Россия резко отстает от подавляющего большинства стран по социальным показателям. В стране назрела острая необходимость проведения централизованного повышения зарплаты с увеличением реальных доходов. И это вполне осуществимо, так как, во-первых, в России значительна доля государственной собственности и, по имеющимся оценкам, более 60% работников заняты в бюджетной сфере, а также на предприятиях и в организациях с государственным участием. Из оставшихся 40% работников более половины работают в крупнейших холдингах и объединениях.

Как известно, самым весомым аргументом отечественных финансистов против значительного увеличения уровня доходов населения (в том числе пенсий, стипендий и др.) является опасность высокой инфляции. Но, с одной стороны, почти 10-летняя жесткая финансовая политика профицита федерального бюджета, сокращения государственных расходов и т.п. так и не принесла своих плодов – инфляцию в России умеренной еще назвать нельзя, а ставки по банковским кредитам находятся на предельно высоком уровне, не достижимым для производства, как это было и ранее. Вместе с тем один из базовых тезисов экономической теории говорит о том, что если темпы роста производительности труда обгоняют темпы роста заработной платы, то это не составляет угрозу инфляционного всплеска. В свою очередь, повышение производительности труда является неременным условием дальнейшего роста доходов и зарплаты.

Официальная оценка и анализ производительности труда очень усеченно представляются в индексном виде за короткий период 2003–2008 гг. В этой связи вновь приведем оценку данной ситуации отечественного исследователя В. Кудрова. Внимание к важнейшему фактору повышения конкурентоспособности производства – производительности труда – в последнее время ослабло и в науке, и в государственной политике. «Показатель производительности труда исчез из официальных публикаций Росстата РФ. Не находит он должного отражения и в производственной практике» [4. С. 47]. Вопросы повышения производительности труда не находят отражения даже в стратегиях крупнейших российских компаний. «...Многие российские предприятия вообще не заинтересованы в росте производительности труда. Согласно опросам, 68% промышленных предприятий в России считают свою производительность труда «нормальной» и лишь 25% оценивают ее ниже нормы. Между тем только 9% российских предпринимателей сегодня могут успешно конкурировать на мировом рынке и еще 25% – на внутреннем» [Там же. С. 47]. Как результат такого невнимания – углубление в России «советского» отставания в уровне производительности труда: уровень производительности труда в сельском хозяйстве в 10 раз ниже, чем в развитых странах. В гражданском авиастроении этот показатель ниже, чем в США и ЕС, в 15 раз, в автомобилестроении – в 4–5, в транспортном машиностроении – в 5–6, в военном авиастроении и судостроении – в 3 раза. В ракетно-космической промышленности по производительности труда мы отстаем от США в 35 раз, от ЕС – в 9 раз [Там же. С. 42]. Если уровень производительности труда (по ППС) США опережает другие страны G-7 на 20–40%, то отставание стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) является поистине катастрофическим – у России оно составляет 3,7 раза у Бразилии – 4,9, у Китая – 6,9 и у Индии – 9,3 раза. В поисках главной причины такого отставания эксперты Всемирного экономического форума (ВЭФ) выдвинули следующую гипотезу. Богатство нации и производительность труда тесно взаимосвязаны: чем богаче нация, тем выше общий уровень производительности труда; чем более производительно используется человеческий капитал, тем выше уровень благосостояния [7. С. 34].

При этом среди стран БРИК Россия выделяется более прогрессивной структурой занятости в трех секторах (промышленность, сельское хозяйство, услуги) и соответственно их вкладом в ВВП. «...Россия – наиболее продвинутая страна по критерию использования трудовых ресурсов: общий уровень производительности труда в ее экономике на треть выше, чем в Бразилии, а в промышленности – почти в 1,7 раза. Что касается Китая и Индии, то там большая часть активного населения занята в сельском хозяйстве (соответственно 45 и 57%), вклад которого в ВВП из-за чрезвычайно низкого уровня производительности труда составляет лишь 12 и 20% соответственно. В промышленности Китая работает 24% занятых, в Индии – 17%; их вклад в ВВП оценивается соответственно в 48 и 25%. Однако уровень производительности труда в этом секторе у них значительно ниже, чем в России, которая опережает по данному показателю Китай в 1,8, а Индию – в 3 раза... Таким образом, среди крупнейших экономик мира Россия является самой богатой среди бедных и самой бедной – среди богатых» [7. С. 36–37].

Итак, глубокое социальное неравенство, присущее современному типу распределения доходов в России, подрывает основу для развития внутреннего рынка. Хронически заниженные заработные платы в Российской Федерации оказывают серьезное угнетающее воздействие на два других органичных рыночной экономике феномена. Это, во-первых, относительно низкие обороты в сфере торговли российской потребительской продукции (в то время как выдающиеся бизнес-модели в этой сфере, например, шведская «ИКЕА» реализуются на базе принципиально иного подхода: огромный оборот – низкий уровень рентабельности). По имеющимся оценкам, обороты даже ведущих российских компаний отстают от аналогичных показателей западных корпораций в машиностроении и пищевой промышленности в 40–44 раза, в нефтяной промышленности – в 14 раз [8. С. 44]. Во-вторых, это отсутствие массового инвестора на российском рынке ценных бумаг. По имеющимся оценкам, российские эмитенты на площадке LondonStockExchange (LSE) оцениваются в среднем на 10–30% выше, чем на Московской межбанковской валютной бирже. В основном ликвидность фондовых площадок за рубежом находится на более высоком уровне. На российской бирже ММВБ так и не произошло существенного увеличения объемов торгов ни в одном секторе по сравнению с докризисными периодами 2007–2008 гг. В результате эмитенты из групп не только первого эшелона («голубые фишки», крупный бизнес), но и второго (средний бизнес) предпочитают осуществлять заимствования на зарубежных площадках Лондона или Гонконга. Таким образом, на фондовых, валютно-кредитных нишах, как, впрочем, и на нише денежного предложения (так называемый сеньорский доход), Россия стабильно формирует и воспроизводит условия масштабного (с участием национального крупного и среднего бизнеса, населения) присвоения западной экономикой соответствующих видов финансовой ренты.

Хроническая ситуация с относительно заниженными абсолютными размерами расходов на оплату труда и других доходов занятых в российской экономике, а также с их относительно низкой долей в структуре затрат на производство и реализацию продукции (услуг) по экономическим элементам также является благоприятным условием для образования и присвоения экономической ренты в результате реализации права собственности и права хозяйствования в сфере недропользования. Подобное рентоориентированное поведение хозяйствующих субъектов подрывает основу для воспроизводственного процесса в РФ, делает выгодным переход от капиталоемких к трудозыбыточным технологиям, т.е. технический регресс вместо прогресса.

Некоторые эксперты в области экономики выделяют две модели-антипода экономического поведения хозяйствующих субъектов в современной России: рентоориентированное и инвестиционное. Главный научный сотрудник ИНП РАН Я. Паппэ считает, что в русле тенденций развития мировой экономики поведение российского бизнеса становится все больше «коти-ровкоориентированным», т.е. основным мотивом развития крупного бизнеса становится рост стоимости акций на рынке ценных бумаг и капитализации корпораций на основе декларирования стабильно высокой доходности бизнеса. Погоня за высокой нормой прибыли на основе недовоспроизводства основных его факторов (основной капитал, человеческий капитал) приобретает

глобальный характер. Яркой иллюстрацией в рассматриваемом контексте служит следующий факт. В январе 2011 г. созданная для расследования причин катастрофы 20 апреля 2010 г. на буровой платформе BP в Мексиканском заливе комиссия при президенте США опубликовала доклад, согласно которому в качестве главной причиной аварии названо безответственное (! – А.Л.) сокращение расходов [9. С. 4].

Таким образом, глубокий мировой финансовый кризис 2008 г. отчетливо обозначил масштабную проблему объективности представляемых в финансовой отчетности данных. Она заключается в занижении, с одной стороны, величины используемых активов, операционных расходов и принятых долгосрочных обязательств, а с другой – в завышении показателей рентабельности (доходности) инвестированного капитала, образовании и присвоении экономической ренты.

Литература

1. Воронова Ю.П. Межотраслевое распределение доходов и роль ренты в российской экономике // Вестник ВЭГУ. 2008. №2 (34). С. 22–35.
2. Государственная экономическая политика и экономическая доктрина России. К умной и нравственной экономике / Под ред. В.И. Якунина, В.Л. Макарова, С.С. Сулакшина: В 10 т. М.: Научный эксперт, 2008.
3. Гурвич Е. Нефтегазовая рента в российской экономике // Вопросы экономики. 2010. №11. С. 4–24.
4. Кудров В. Экономика России: сущность и видимость // МЭМО. 2009. №2. С. 39–48.
5. Модернизация России в контексте глобализации: Материалы круглого стола // МЭМО. 2010. №3. С. 105–117.
6. Виньков А. и др. Технократическое самоубийство // Эксперт. 2009. № 32. С. 19–25.
7. Кондратьев В., Куренков Ю. Проблемы повышения эффективности российской экономики // МЭМО. 2008. №12. С. 34–43.
8. Формирование корпоративного сектора экономики: зарубежный опыт и российская практика / Под ред. В.Б. Кондратьева. М.: Магистр, 2009. 397 с.
9. Эксперт. 2011. №2. С. 4.